

ОЛЕГ КУИМОВ

КРЕСТ

РАССКАЗ

Роман грустил. Послезавтра у дочки последний звонок, который, похуже, пройдет без него. А ведь ещё три недели назад, приехав в Подмоскowie на строительство храма, он не сомневался, что успеет вернуться и разделить с женой и дочкой радость этого праздника. Он был уверен в этом, и когда вдруг оказалось, что к сроку дело не завершить, расстроился. Работа не кипела в руках, а двигалась как-то машинально, безрадостно. Роман задумывался, полностью забывал о высоте и в рассеянности два раза ошибся в разметке шашечек, отчего пришлось их переделывать. А всё потому, что мысленно был дома, словно в последний раз смотрел на дочку в школьном платье, с бантом в таких же смолянисто-черных густых волосах, как и у него. Столько лет Роман мечтал о том, чтобы увидеть этот ее последний шаг по территории детства, столько мечтал! Дело невозможно было бросить, но душа уже летела домой, на Украину. Такой вот разлад случился в Ромane и не давал ни минуты покоя. “Домой! — сигнализировала душа, и ничего с этим поделать было нельзя. — Домой!”

Тем не менее к ночи четверга он всё же успел покрыть купол. И если бы отправился в понедельник с самого утра на Киевский вокзал, еще бы успел, что называется, с поезда на бал. Оставалось главное — поставить крест. Но батюшка, которому позвонил загодя с просьбой, чтобы крест установили без него, отказал:

КУИМОВ Олег Владимирович — выпускник Томского государственного университета и Литературного института им. Горького. В прошлом — редактор журнала “Неопалимая купина”, ныне — автор журналов “Луч”, “Север”, “Южное сияние” и других. Лауреат литературных конкурсов “Славянские традиции”, “Буревестник”, “Армянские мотивы”, “Большой финал”. Живёт в Московской области.

— Нет, Роман, ты уж доведи дело до конца и поезжай себе спокойно.

— Да ведь я и так уже все сделал, а крест с помощью крана любой мужик поставит. Главное-то я сделал, — повторил Роман и, уповая на общеизвестную доброту отца Алексея и хорошие личные отношения, проникновенно добавил: — Батюшка, последний звонок у дочки, это же единственный раз в жизни, больше не повторится никогда. Ну отпусти, Христа ради. Работа в основном сделана, а кран когда ещё будет? И что мне, сидеть ждать?

— Я все понимаю, — так же мягко ответил батюшка, — последний звонок — это, конечно, причина значимая, но и ты меня пойми: с кем я буду крест ставить? Мужиков-то нормальных в деревне нет, где мне их искать? Ты уж доделай, Христа ради, а потом и езжай со спокойной душой.

В общем, никакие уговоры не помогли. Да Роман особо и не надеялся: сам чувствовал батюшкину правоту, к тому же провести такую большую работу — покрыть церковь медью — и не завершить последний, технически самый простой, но самый значимый этап — не то! Нет конца — нет и делу венца: не будет удовлетворения, и, как червячок яблоко, станет грызть раскаяние в собственной слабости.

Всё бы ничего, однако в пятницу, как было обещано, кран не пришёл. Хуже всего была неопределённость с этим злополучным краном, потому что найти машину с достаточным выносом стрелы оказалось непросто. У строителей, с которыми была договоренность, случился какой-то аврал, а там два дня выходных, и ещё неясно, получится ли даже в понедельник.

Роман грустил, душа рвалась домой. А вместо этого следовало томиться от скуки в чужой деревне, неизвестно сколько. И тут очень кстати прихожанин церкви Аркадий Иванович пригласил вечером в баню. В прошлый приезд Роман парился у него каждую неделю, а в этот раз обходился обычным мытьем из ковшика прямо на улице.

В баню он взял с собой Андрея. Тот был москвичом, мотаться каждый день домой за девяносто километров, понятное дело, не имело смысла, и потому четвертую неделю обитал там же, где и работал, в новом церковном доме, выбираясь к семье на субботу-воскресенье.

Парилка не остыла, еще парься да парься. Роман довольно покряхтывал на полке, пока Андрей на совесть охаживал его березовым веником. Переведя дух, попросил:

— Андрюшка, плескани-ка еще ковшичек, только не залей, а то камни уже остывают.

Тот шутливо рассмеялся, поддавая парку:

— Есть, товалися командила!

Белые клубы потяжелевшего пара медленно поднялись над каменкой.

— Ух, хорошо! — оба принялись растираться, стряхивая побежавший по телу пот.

После второго захода, уставшие, развалились на мягких стульях.

— Эх, завтра с утра домой. Закончил я, Рома, свою работу. Получу деньги — и свободен. По детям за неделю соскучился, — лениво растягивая слова от приятного утомления, проговорил Андрей. — Ну а у тебя как с краном?

— Да как! — Роман не смог скрыть раздражения и рассказал всё, как есть.

Между ними как-то сами собой установились дружеские отношения, оба любили пошутить, посмеяться. Роман радовался про себя, что кацап, то есть Андрей, по-украински шепутовой, а Андрей, в свою очередь, удивлялся, что встретился ему такой же простой и бесхитростный, как русские, хохол. И оба радовались, что нет никакой разницы между кацапом и хохлом, будто всю жизнь провели вместе, подхватывая с полуслова шутки друг друга.

— В общем, так, Рома, — Андрей зачем-то взял веник, ударил себя по ногам и снова положил, — не боги горшки обжигают. Завтра что-нибудь придумаем. Деньги на кран батюшка дает?

— Да.

— Тогда найдем завтра тебе кран. Не верю я, чтобы в наше время да с деньгами нельзя было чего-то найти. Завтра с утра поедem в райцентр.

— Так завтра же суббота, и тебе домой надо ехать.

Несмотря на предвкушение скорой встречи с семьей, Андрей не сомневался: он обязан помочь другу. Обязан — и точка!

— Ничего, что суббота. Найдём! До вечера можешь на меня рассчитывать, — уверенно сказал он, заметив, как радостно загорелись глаза Романа.

Когда они возвращались домой, деревня уже спала — ни единого звука, ни проблеска света. Не спалось, наверное, одному лишь Шкиперу, слышавшему местным философом. Терзала душу прилипшая банным листом мысль, зачем она, вся эта жизнь, и есть ли вообще на самом деле Бог. В короткие промежутки, когда мысль эта отставала, вспоминались далёкие детские и молодые годы, и становилось тоскливо от того, что лучше уже никогда не будет и что впереди теперь только унылый спуск к черной финишной ленточке. Он вытер испарину со лба. Показалось, что даже стены вроде как сдвинулись, а потолок навис над головой. Душно! Шкипер поспешно набросил куртку и вышел на улицу.

Он стоял, прислушивался к монотонному стрекотанию сверчков. Вдруг неприятное открытие: а ведь перестало его затрагивать это самое стрекотание, как бывало когда-то, и ничем новым удивить его уже невозможно, да, впрочем, и незачем. “Жизнь такая скука, что хоть ложись да помирай”, — услышал он свой собственный приглушенный голос и оглянулся: не слышит ли кто из соседей, как он разговаривает сам с собой. Все спали. Да вот хоть прямо сейчас помирай, если бы только не было страшно. Есть ли там что-то или совсем ничегошеньки — вот он, извечный вопрос, на который никто не может дать точного ответа. А с другой стороны, как объяснить, что весь этот мир (Шкипер огляделся вокруг) сам появился, без Бога. Вот и получается теперь у меня, что и в Бога не могу поверить до конца, и вовсе не верить — тоже не складывается. “Вот она, дилемма”, — скривился он в ироничной усмешке.

В соседней деревне громко лаяли потревоженные собаки. Шкипер долго смотрел в ту сторону, словно мог в крошечной тьме высмотреть причину их лая. Так ничего и не высмотрев, запрокинул голову: непривычно низко висел в эту ночь хрупкий серпик новой, совсем не дававшей света луны. Пусто и одиноко. И вдруг, словно какой-то тумблер переключился у него в голове и обрубил надоевшие думы: в фокусе его зрения возникло небо. Оно и прежде никуда не исчезало и висело над ним, но как-то само по себе, без его участия, а тут вдруг явилось совсем иначе — зримее, роднее; и стало ему оттого легко, как давно уже не случалось.

Множество мерцающих звездных точек оживляло иссиня-черную мглу. Небо звало, звучало по всему небесному простору, словно невидимые ангелы слегка касались леденистых звездных струн теплыми руками. Шкипер знал, что именно для него звучит, спускаясь сверху на спящую землю, вечная космическая песня, полноценно воспринимаемая одной лишь беззаботной юностью.

В наступившем его внезапном, но счастливом оцепенении острее воспринимался каждый звук — и стрекочущего сверчка, и шуршащего неподалеку неосторожного крота, и даже писк бодрствовавшего в столь поздний час бестолкового комара. Только теперь заметил он, что даже темнота кажется мягкой, теплой. Хорошо!

Вдруг со стороны трассы послышались голоса. Редкостно благодушное настроение было разрушено. Правда, несмотря на их досадную несвоевременность, голоса показались ему как никогда родными, потому что вернули его в привычный мир, где всё было простым и понятным, без этой дрожи в душе и изнуряющих, сложных мыслей.

В это время могли идти только свои, и Шкипер спокойно повернулся навстречу. Спустя минуту он пожалел, что не ушел раньше, оказавшись перед возвращавшимися из бани приятелями.

Ни тот, ни другой Шкиперу не нравились — не вписывались в его рамки толковости, мужицкой обстоятельности: слишком шумные, по любому пустяку смеются — одним словом, взрослые дети. Да и вера их казалась ему показной. Зачем ходить в церковь, когда главное — вера в душе, в ней и заключается истинный храм, а не в этих свечах и умиленных взорах. В цер-

ковь ходят, а грешат не меньше других. Здравовался он при встрече натянуто, общался лишь по необходимости, причем Романа не замечал особенно демонстративно.

Роман был физико-техником по образованию, но работать по специальности как-то не сложилось. Порой он поражал Шкипера неожиданной, глубокой мыслью. На самом доньшке шкиперской души, там, куда он не хотел заглядывать, ёкало: “А ведь я никогда бы до этого не додумался”. Но тут же другая мысль ожесточала его: “А-а, выпендривается, себя хочет показать — мол, не лыком шит, кровельщик по случаю, а по уму выше. Ну-ну...” Усмехаясь про себя, Шкипер с показной пронизательностью, доставшейся ему в наследство от предков-крестьян, прищуривался: мол, мели, Емеля, нас не проведешь!

Вот и недавно Роман корчил из себя мудреца: человека, понимаете ли, не стоит торопиться осуждать, потому что он порой и сам не рад своим недостаткам и слабостям и хотел бы вовсе их не иметь, да вот в том-то и загвоздка, что не может. Алгоритм поступков и действий, заложенный в него генетически и воспитанием, изменить самостоятельно не под силу, и только Бог может освободить от бесконечного бега по кругу. Алгоритм... потом еще припел какой-то интеграл, линейную систему, матрицу. “Выпендривается, демагог хренов”, — выругался про себя Шкипер и стал цепляться к словам. Роман же увлекся, загорелся, отбивая наскоки, пытаясь доказать свою правоту. Заспорили, наговорили друг другу колкостей и разбежались с саднящей душу обидой.

Неделю не виделись, поостыли. Как-то Шкипер, зайдя в церковный дом в поисках завхоза Михалыча — надо было выпросить ненадолго сварочный аппарат, — повстречался с Андреем и Романом, допивавшими послеобеденный чай. Заговорили как ни в чем не бывало. Но как ни старался Шкипер, не смог удержаться от раздражения. Стоило ему обмолвиться, что миллиардер Прохоров — выскочка, что наверх подняться ему помог лишь удачно подвернувшийся случай, как Роман опять в пику ему заспорил, заговорил, будто лектор со студентом.

— Понятное дело, что случай. Между прочим, вся жизнь — череда случаев. Однако кто-то приближает свой счастливый момент, идет к нему, а кто-то нет. Ничего в этом мире не происходит просто так, у каждого свой шанс появляется, но не все умеют им воспользоваться: то мимо пройдут, то назад отступят из-за недостатка ума и сил, то просто не дойдут — от человека многое зависит. Так что не всё так случайно в этом самом случае.

Шкипер не соглашался, но Роман упрямо зацепился за свою правоту и не хотел отступать. “Упрямый, как бык”, — опустил глаза Шкипер и решил больше не разговаривать с ним. Сухо попрощавшись, поспешил восвояси. Да и что тут говорить, если у человека горе от ума — вечно раздувает из мухи слона. Конечно, Роман лишь в противовес ему мог такое выдумать: “История представляет собой процесс самопознания человечества, в котором оно должно пройти определенный этап ради главного знания — в какую бездну ведет всякая индивидуальность без Бога. Только он, Творец, может удержать человека от падения. Не будь первого пришествия Христа, мир уже скрежетал бы зубами от ненависти”. Умник! Что тут сочинять всякие теории, пустым словоблудием заниматься?

Опять заспорили крепко, и разошлись со скрытой обидой, и лишь хмуро здоровались при встрече. Да и с Андреем тоже холодок в отношениях появился, потому что тот всегда поддакивал Роману.

Понятно, что и они тоже относились к Шкиперу без особой любви. Да ведь и не случайно того так прозвали — Шкипер! К прозвищу располагал и сам облик бывшего цехового мастера кондитерской фабрики: аккуратная, коротко стриженная бородка, пронизательный взгляд из-под кустистых бровей и степенная важность в движениях. К тому же, самое главное, все знали, что в прошлом Шкипер служил на флоте.

... Столкнулись в темноте лоб в лоб, и Шкиперу пришлось поздороваться. Те ответили. Ради приличия обмолвились несколькими общими фразами и разошлись. Причем Шкипер, как обычно, обращался при разговоре только к Андрею.

— И чего он так тебя не любит? — недоумевал Андрей, обращаясь к Роману.

— Да я и сам не пойму.

— Да чего тут понимать, завидует он тебе.

Роман потер глаза ладонью и громко зевнул:

— А чему завидовать-то?

— Ну, Шкипер себя самым умным считает — первый мудрец на деревне, а у тебя и язык лучше подвешен, и вообще... Между прочим, дед у него в этой церкви священником служил, репрессировали его, расстреляли.

Андрей долго не мог уснуть: все думал, как изловчиться, чтобы поднять крест вовсе без крана. Так и уснул. Ночью приснилось, как вместе с Романом устанавливает крест вручную — без техники. Тут же открыв глаза, он не смог вспомнить устройство конструкции. В общих чертах, конечно, помнил, но то, что во сне виделось инженерной удачей, теперь таковой уже не казалось. И все же главное запомнилось. В половине восьмого утра Андрей с торжествующим видом разбудил Романа:

— Вставай! Хватит дрыхнуть! Поставим сегодня крест. Точно поставим. Я придумал как.

Воодушевленным обнадеживающим известием, Роман вскочил, оделся. Но, услышав, как Андрей предлагает закрепить саморезами на настиле конструкцию из одной высокой, вертикально стоящей доски с широким выпилом в верхней части, посмурнел.

— Нет, не получится. А вдруг крест набок пойдет? Завалится сразу — не успеешь ничего сделать: двести килограммов не шутка. Если поведёт, сразу рухнет.

— Так мы подопрём с четырёх сторон.

— Нет, Андриуха, я же тебе говорю: двести килограммов. Настил маленький, опоры не хватит — подпорки-то ведь некуда ставить.

Андрей сдаваться не собирался: был уверен, что не может не получиться, потому как дело-то правое. Впрочем, и Роман готов был хвататься за любое предложение, дающее хоть какую-то надежду поскорее разрубить этот гордиев узел и рвануть домой к своим. В итоге решили идти благословляться к батюшке. Тот, с присущей ему открытой, располагающей улыбкой выслушав предложение Андрея, подумал и уже серьезно сказал:

— А что? Идея правильная. Всё до мелочей продумайте — может, стоит попробовать.

Присев на лавочке у дома, они стали обсуждать детали. Через некоторое время Роман в расстройстве заключил:

— Нет, Андриушка, ты уж меня извини — без крана никак. Придется ждать понедельника.

Вид удрученного Романа побуждал Андрея приводить всё новые и новые аргументы:

— Да послушай же, главное — перекладина, через которую будем поднимать. А что, если её на лесах закрепить из труб?

Роман сосредоточенно потер лоб.

— Нет, ничего не выйдет. Во-первых, у нас труб почти не осталось, а, во-вторых, самих крепежей с болтами нет. А хотя... стой!.. — Роман задумался и неожиданно смягчился. — Может, и правда попробуем. Трубы снимем с лесов на колокольне, а еще возле гаража есть. Пойдём поглядим.

Нашлись и доски, и крепежи с болтами. И всё же сомнения у Романа оставались:

— Все равно кран понадобится, лебёдка не выдержит.

— Типун тебе на язык. Глаза боятся, а руки делают, — оставался непоколебимым Андрей. Постепенно его уверенность передалась и Роману.

Шел уже четвертый час, когда всё, наконец, было готово к подъему креста. Теперь при виде получившейся необычно высокой перекладины они сами удивлялись своим опасениям — конструкция-то совсем простая!

— Ну что, пошли людей искать?

— Пошли! — Роман поспешил к калитке, по пути продолжая старую песню: — Если только найдем кого-нибудь сейчас.

— Не бойсь!

Андрей метался по деревне: не было мужиков, хоть тресни — одни деды. Убежали молодые в Москву, а оставшиеся жить в деревне находились, видимо, на работе в той же столице. И вдруг двое крепких парней на велосипедах. Душа у Романа буквально вознеслась воспрянувшей надеждой, но так же разом и опустилась: отказались парни — мол, высоты боимся. Оно и понятно: у самого в первый раз поджилки тряслись, особенно на вершине купола: леса ходят при каждом шаге, и кажется, что весь купол раскачивается, вот-вот обломится у основания и рухнет всей тяжестью. Страшно! А еще и потому, что нет здесь, в отличие от нижних ярусов, никакого ограждения. Оступишься — и полетишь вниз, на верную смерть.

Но с опытом он уже пообвыкся, стал посмелее.

— Слушай, Ромка, — вспомнил, воодушевившись, Андрей. — Давай узбеков позовем. Они внизу тянуть будут за веревку — там безопасно.

Узбеки согласились без лишних разговоров. Шерзот уже давно стал в округе своим, почти русским, многие его звали просто Шуриком. И даже приехавший к нему на подмогу отец Халмурат, хотя и смотрел на высокий купол с явным страхом, но не спасовал, поплелся вслед за сыном.

— Халмурат, ты не бойся, — успокаивал его Андрей, — я тебе пояс монтажный дам. Прицепим тебя к лесам — безопасно будет.

Услышав о страховке, пожилой узбек немного распрямился, пошел уверенней.

Роман, шедший сзади, догнал Андрея.

— Слушай, Андрюха, — голос его прозвучал как-то надтреснуто. — Надо еще кого-то на подмогу взять, покрепче. — Роман замолчал, внимательно озираясь по сторонам. Весь его вид — и ссутулившаяся фигура, и глубокая складка от переносицы, и сосредоточенное лицо — выдавал сильное переживание.

— Не бойсь, Ромыч, поставим мы твой крест! Ой, что я говорю, наш крест, — поправился Андрей.

Роман, заметив, как неестественно радостно блестят его глаза, как он с трудом сдерживает шаг, размахивая длинными руками, болтающимися в большой не по размеру фуфайке, отвернулся в сторону: пацан, сорокалетний пацан! Счастливый, однако...

А “пацан” продолжал твердить как заклинание:

— Не бойсь, поставим!

— Ага, легко сказать. А двести килограммов! А если перекладки согнутся? Хотя нет, не могут согнуться, выдержат, — боролся с сомнениями Роман.

Он вдруг перестал изнурять себя мысленным прокручиванием всей картины: как станут они разворачивать тяжеленный крест на шатающихся подмостях, медленно и осторожно поднимать его, заводить на сверкающий на солнце оранжево-красный купол. “Бог не оставит”, — разрешились разом сомнения.

Возле церкви стоял, заглядывая внутрь, Шкипер — рослый, сильный. Андрей с Романом знали, что он в деревне, но обращаться за помощью к нему не стали. И уж никак не ожидали, что могут столкнуться с ним возле храма. И вдруг Андрей, не предполагая этого секунду назад, воскликнул:

— Шкипер, можешь крест поставить?

— Пошли! — так же неожиданно и без привычных расспросов ответил тот.

Андрей с Романом переглянулись — ничего себе! Три дня тому назад, когда Роман хотел очистить крест от старой краски, Шкипер отказался помогать им перекладывать его с помоста на два тонких козлика. Сказал, что он мужик серьезный и без крана на авантюры подписываться не станет.

А теперь крест почему-то показался ощутимо легче. Спокойно, без прошлой слабости в коленках, сняли его с козлов, развернули лицом к перекладке и аккуратно положили на доски. От сознания того, что в жизни происходит событие, которого у большинства никогда не случится, наступала какая-то эйфория, словно на плечо нежданно-негаданно села синяя птица. Они

забыли о раскачивающемся из стороны в сторону куполе, пропал парализующий страх пустоты, горизонт не гипнотизировал, побуждая шагнуть вниз. Всё исчезло, как и не бывало. Всё. И в целом мире остались только они трое возле креста. Да еще помнилось о присутствии на нижнем, сравнительно безопасном ярусе двух узбеков, стоявших в ожидании долгожданной команды: тянуть!

— Вира! — поднял руку Роман.

Веревка заскользила по перекладине, и, разрушая опасения Романа, крест спокойно приподнялся над настилом. Андрей и Роман, не веря собственным глазам, восторженно переглянулись, гася улыбки, словно преждевременной радостью боялись спугнуть осторожную удачу.

Крест поднимался (наводившие ужас двести неподъемных килограммов), медленно восходил в небо — величественный и строгий. Шкипер внизу возбужденно восклицал:

— Еще?

— Давай, давай! — Роман с Андреем натужно кряхтели, поддавая снизу плечом, когда крест оторвался от настила.

Наконец он поднялся на нужную высоту, и они стали направлять остов в паз. Крест вошел.

— Майна! Майна помалу! — закричали Андрей с Романом, раскачивая крест в разные стороны, чтобы тот вошел в гнездо до конца. Крест садился туго, недовольно скрипя в ответ на такое бесцеремонное обращение. Но все равно опускался. И вдруг замер. На две трети осевший в гнезде, более не поддавался.

— Все, придется кран ждать, — упавшим голосом прошептал Роман.

— Неужели и в самом деле? — первое за день сомнение настигло Андрея. Он с ожесточением стал трясти массивный крест. — Да не может такого быть! Все равно поставим! — стиснул зубы Андрей и крикнул вниз: — Ослабьте веревку!

Роман глядел недоверчиво и молчал. Андрей изо всех сил, какие остались, продолжал раскачивать крест и одновременно надавливать на нижнюю перекладину. Из-под медной обивки посыпалась сухая ржавчина.

— Не даст, — вымолвил, наконец, Роман, пытаясь прикрыть боковые бороздки паза.

Андрей не желал верить, что столько труда потрачено напрасно и что его уверенность оказалась обычной самоуверенностью. Не желал и, шепча “Господи, помоги!”, продолжал попытки, выдыхаясь от перенапряжения. И вдруг, словно сжалившись над ним, крест стал медленно, сантиметр за сантиметром проседать.

Глаза Романа снова загорелись надеждой.

— Пошел... пошел... — кинулся он помогать Андрею.

Наконец крест полностью оказался в пазу, встал надёжно и прочно. Роман не мог поверить своему счастью. И не только он. Все были счастливы, даже узбеки, и пока Андрей снимал с Халмурата монтажный пояс, радостно смеялись, осознавая, что приняли участие в таком важном деле.

— А говорили — кран! Без крана никуда! — благодарно хлопал по плечам узбеков Андрей. — А у нас свой кран — “Ташкент”. — И даже обычно сдержанный Шкипер рассмеялся вместе со всеми.

Сверху упала какая-то тень. Андрей поднял голову: наверху, возле креста, возился Роман. Что он делал, было непонятно — закрывали леса. Затем Роман подошел к краю и позвал:

— Шкипер, Андрюха, давайте наверх, самое главное надо сделать. Халмурат, Шерзотик, а вы можете спускаться. Я потом подойду к вам, с меня магарыч.

— Да ты что, — замахали руками узбеки, — мы тебе так помогли. У тебя свой Бог, у нас свой, а помогать надо.

Андрей недоумевал, что же ещё самое важное они не сделали, и поразился, когда услышал.

— Самое главное, — серьёзно сказал Роман, — приложиться ко кресту. Таков обычай и честь великая. А другого раза может не быть.

Шкипер как-то неуверенно заметил, что хоть и крещен в детстве, всё равно обряд для него не столь важен, да и вообще церковь дело вовсе необязательное, вот внутренний храм — совсем другой разговор. В общем, стал отговариваться. Но вдруг его обычная непреклонность куда-то пропала, и он уступил настоянию Романа.

Подмости стояли с той стороны креста, куда никто не становился. Места было мало — полметра хлипкой на вид доски. Андрею казалось, что весь мир вокруг качается, грозя ему падением. Шкипер, тот вообще стоял на полусогнутых, но стоял, боясь обмишуриться. Он медленно осенил себя крестом, поклонился в пояс.

— Ты чего? Это же главный крест церкви. Земные поклоны. В землю кланяйся! — строго прозвучал голос Романа.

Не терпевший обычно никаких команд, Шкипер вдруг почувствовал, что сейчас не время спорить. Андрей спокойно совершил земной поклон. Следующий поклон они со Шкипером совершили синхронно.

В ожидании своей очереди Андрей, преодолевая внезапно возникшее смущение, взглянул на вершину креста и обомлел, словно впервые увидел его. В то же мгновение он забыл о нетвердо стоящем верстачке, о качавшихся вокруг купола лесах — словом, исчезли все его страхи. В странном, никогда прежде не испытанном забытии стоял перед крестом — он и крест. И ничего больше не существовало на свете. Мир вокруг исчез, тот самый мир, что тревожил и досаждал, радовал и печалил, расплывал силу мысли на пустое. И только высокий, ослепительно сиявший в лучах заходящего солнца крест, опираясь на маковку, плыл над ним. Плыл, соединяя небо с землей. И он, Андрей, принял посильное участие в этом свершившемся единении. Теперь он знал, что оно останется с ним навсегда, перейдет детям, внукам, правнукам.

— За что мне такая милость? — недоумевал он.

Внизу уже толпился народ.

— Как он сверкает! — возбужденно переговаривались люди, запрокинув головы и любуясь установленным крестом.

И в самом деле, казалось, он горит, приняв на себя жар уходящего на покой светила.

— Парни, а когда будет следующая служба? — спросил Шкипер.

— Что? — не поверив своим ушам, переглянулись Роман и Андрей.

— А... завтра, утром.

— Хорошо, я приду.

— Приходи, — расплылся в улыбке Роман.

Подшел батюшка со словами “с меня причитается”. Быстренько распили на троих, закусывая бутербродами. Роман нервничал, торопясь выехать. И тут здорово повезло: прибыл водитель епископа и согласился отвезти Романа с Андреем на автовокзал.

Шкипер тоже вдруг решил проводить Романа на поезд. Везение продолжилось и на автовокзале: успели приехать за пять минут до отправления автобуса, очереди не оказалось. В полупустом автобусе сели на последние места. Разговорились и, конечно, опять заспорили. О чём? О судьбе. Шкипер высказался за предопределенность, а Андрей с Романом настаивали на том, что судьба человека преимущественно сосредоточена в его собственных руках. Хотя Бог может при желании направить жизнь каждого в определенное русло, но рассчитывать на это никто не должен.

Шкипер, привстав с места, загорячился, заговорил громко, торопливо, словно боясь, чтобы не перебили. Сидевший неподалеку лысый мужчина, похоже полицейский, обернулся, окинул их внимательным взглядом и, не обнаружив ничего предосудительного, снова стал смотреть в окно.

— Тогда почему Бог не ведет меня по жизни? — говорил Шкипер. — Я бы с удовольствием. Меньше бы спотыкался.

— А зачем? — недоуменно развел руками Роман. — Да нет большей любви, чем уважение нашей воли — твоей, моей, любого. Понимаешь, в чем соль-то? В процессе! Веди тебя! Разве так интересно? Самому же хочется что-то построить, скроить, сотворить. Пусть не всегда удачно, но за-

то ты же сам этого добиваешься. Сам! Даже дети обижаются, когда им не позволяют самостоятельно что-то делать. Господь знает, что тебе лучше, но надо, чтобы ты сам спотыкался, поднимался, сам вверх шел, смысл жизни постигал.

— Сам, сам... а что сам-то? — скривился в усмешке Шкипер. — Если б я знал, что мне лучше. А так столько напраслины получается в жизни.

— Ну, хорошо! Давай тогда так. Предположим следующую ситуацию. Ты заново начнешь жить, допустим, с семнадцати лет, а нынешняя твоя жизнь исчезнет — вся, полностью. Согласен, что у тебя будет другая жена, другие дети, друзья?

Шкипер сосредоточенно нахмурился. С одной стороны, можно будет жизнь по-другому устроить, с другой... Страшнее всего представить себе иных близких людей, среди которых как раз этих, родных, к которым прикипел душой, не окажется! И отказаться от них — всё равно что предать и их, и себя самого. Нет, не нужна ему никакая иная дочь и никакая иная жизнь, пусть во сто крат и лучше.

— Ну вот! О том и говорю, — подытожил Роман, верно истолковав молчание Шкипера.

И хотя в очередной раз победило не его мнение, Шкипер не испытывал обиды или досады. В такой день всё казалось мелочью.

Затем всю дорогу счастливые, как именинники, бежали: от автобуса к метро, от метро к железнодорожному вокзалу.

— Не успеем, — сетовал Роман.

— Успеем! — дружный ответ.

— Ну вот, теперь точно не успеем, — остановился Роман перед сетью длинных очередей к кассам.

Андрей со Шкипером молчали рядом, глядя на уставшие лица пассажиров. Заминка длилась несколько секунд, Вдруг Шкипер, поразившись самому себе, решительно вошел в толпу.

— Я по благословию епископа! По благословию епископа!

Он прошел к окошку кассы мимо разом расступившихся очередей.

— Какого владыки? — спросила приятного вида старушка.

— Этого... э-э... Сергия.

— ..вского? — громкое объявление дежурного по вокзалу заглушило ее слова.

— Да, — кивнул Шкипер.

Лицо старушки осветилось благоговейным трепетом.

— Помогай вам Бог.

— Все, технический перерыв. Обслуживаю последнего покупателя, — объявила строгая кассирша со стальным взглядом вершителя чужих судеб.

Ближайший очереди уже открыл было рот, протягивая паспорт. Шкипер испугался, что Роман не успеет купить билет. До отправления поезда оставалось всего семнадцать минут, а в другой кассе может не повезти. Так хотелось, чтобы сегодняшняя сказка не оборвалась внезапно, как лента на киносеансе в самый интересный момент.

— Я по благословию владыки! — уверенно повторил Шкипер. Он быстро сунул паспорт в окошечко и сделал заказ. Кассир набрала в компьютере станцию назначения и подняла голову.

— Нет билетов! — ушатом ледяной воды вылился на него ответ.

— Как нет?! Не может быть! — Шкипер опешил: пленка замедляла движение, грозя порваться.

— Ну вот так! — она смотрела на него твердо, демонстрируя независимость от чьего-либо влияния.

— Я по благословию епископа, — не в состоянии поверить, что могучая сила его заклинания может не подействовать, проговорил Шкипер.

И, о чудо! Заклинание сработало. Ухоженные пальчики вновь пробежали по клавиатуре компьютера, и каменное лицо кассирши оживила легкая улыбка:

— Пойдите! Только что сдали один билет в купейный вагон.

— Давайте скорее, а то через пятнадцать минут отправление!

Размахивая билетом, как знаменем победы, Шкипер выскочил из толпы, не обращая внимания на недовольные взгляды очереди.

Снова бежали.

— Я с вами в пионера превращаюсь, — шутливо ворчал Шкипер, тяжело сопя и всё же радуясь непривычному молодецкому настрою. — Никакой солидности.

— Ничего-ничего, посадим Романа в поезд, станешь опять солидным, — хохотнул Андрей.

Проводник, плотно сбитый, с перебитым боксерским носом, проверил билет и, заметив, как Роман достает из пакета непечатую бутылку, решительно шагнул навстречу.

— Вы что, совсем офонарели? Сейчас сдам ментам!

— Ромыч, ну, правда, люди же кругом. Ладно тебе, в другой раз, — смущенно оглянулся по сторонам Андрей и обратился уже к проводнику: — Слушай, друг, не обращай внимания: у нас сегодня такой день!

— Понимаешь, крест на церковь поставили, — вмешался Шкипер.

— Без крана, сами! — в один голос.

— Ладно, понимаю, тоже человек, — смягчился проводник. — Коли такое дело, зайдите лучше ко мне. Даю вам на всё про всё три минуты. Вполне успеете, а то отправление уже (поглядел на часы) через семь минут.

— А знаешь, Рома, давай-ка и вправду в другой раз вышьем. Посидим по-человечески, не спеша. А сегодня нам и так здорово, — сказал Шкипер.

Глядя на медленно тронувшийся поезд, Шкипер вспомнил недавний спор с Романом о судьбе и подумал: “Интересно, а почему я сегодня в церкви оказался? Предопределенность или случай? А, впрочем, мне что так хорошо, что так: не каждый день кресты ставятся”.

В это время Андрей набирал чей-то номер по телефону.

— Давай приезжай скорее, а то нам, кацапам, уже скучно без одного хохла, — сказал он своему собеседнику.

— Да-да, скучно, — крикнул сбоку в трубку Шкипер.

— Обязательно приеду, — прозвучало в ответ.